

Коллективный образ будущего в условиях военного конфликта

Нестик Т.А. (Институт психологии РАН, г. Москва)

Влияние длительной военной угрозы на временную перспективу и образ будущего мирных жителей носит амбивалентный характер: с одной стороны, снижается индивидуальная ориентация на будущее, сокращается горизонт планирования, возникает чувство нереализованности и потери смыслов (Cohen-Chen et al., 2015; Lazurenko et al., 2023; Рядинская и др., 2023; Нестик, 2023; Kočan, Zupančič, 2023), а с другой стороны, неопределенность будущего преодолевается через надежду (Brun, 2015), повышаются значимость и позитивная оценка коллективного будущего (Нестик, 2023;).

Содержание образа будущего, конструируемого участниками военных действий и мирными гражданами, переносящими тяготы войны, указывает на то, что его основной функцией становится психологическая защита. В частности, анализ представлений о послевоенном будущем, отраженных в письмах и дневниках британских пехотинцев во время Первой мировой войны, показывает, что в 1914-1918 гг. сверхоптимистическое, приукрашенное мирное будущее противопоставлялось гнетущему фронтовому настоящему (Mayhew, 2019). Эти же эффекты проявились и во время Второй мировой войны. Так, А.В. Голубев, рассматривая образы будущего в советском обществе 1941-1945 гг., отмечает, что в письмах и дневниках военных лет, а также в информационных материалах о состоянии умов, которые готовили органы НКВД-НКГБ, встречаются рассуждения о том, что выжившие в войне будут строить жизнь так, «чтобы жить народу по-настоящему», что «будет свободнее, легче, ведь нельзя так долго жить под грузом страха и нужды», и «кто останется от этой войны живым, тот будет навсегда счастлив и свободен» (Голубев, 2021).

Действительно, в условиях военного конфликта возрастает субъективная значимость коллективного будущего, что хорошо видно по его

лексическим маркерам в корпусах текстов. Проведенный нами анализ по данным русскоязычного корпуса Google Ngrams с использованием сервиса Books Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams>) показал, что частота употребления словосочетания "наше будущее" в 1941-1943 гг. резко возрастает, тогда как частота употребления словосочетания "мое будущее" в эти судьбоносные для нашей страны годы не меняется (см. рис. 1). В корпусах текстов других стран, вовлеченных во Вторую мировую войну, также отмечается повышение частоты употребления словосочетания "наше будущее" (см., рис. 2), но оно происходит в конце войны (открывшие в 1944 г. "второй фронт" США и Великобритания, освобожденная в 1944 г. Франция) или сразу после ее завершения (проигравшие в войне Германия и Италия). По-видимому, рост частоты упоминания коллективного будущего в текстах отражает не только возрастающую значимость коллективной судьбы, но и переосмысление групповой идентичности, включение в нее новых компонентов.

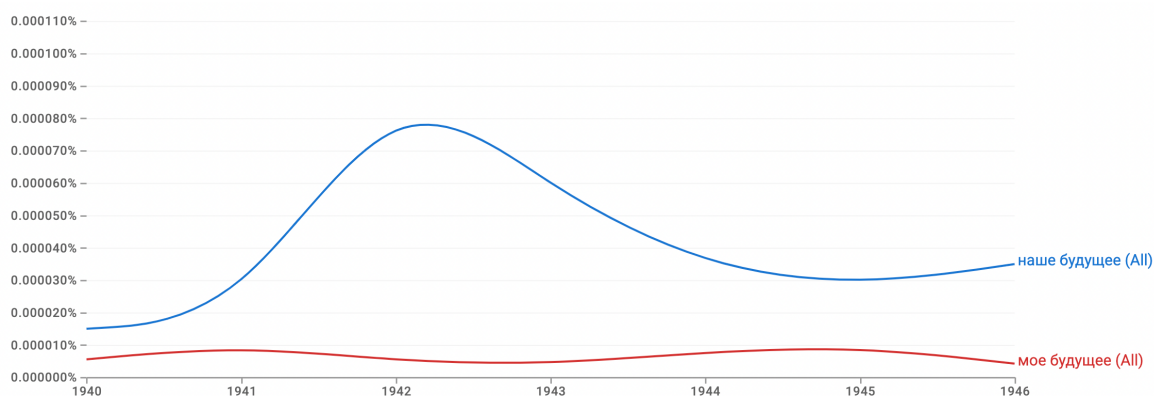

Рис. 1. Динамика частоты употребления словосочетаний "мое будущее" и "наше будущее" в 1940-1946 гг. (по данным русскоязычного корпуса Google Ngrams).

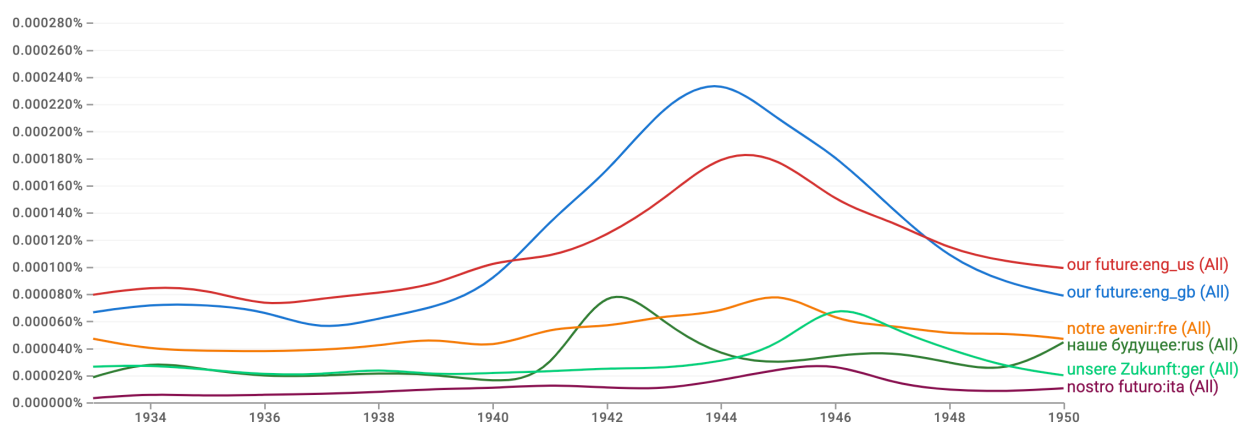

Рис. 2. Динамика частоты употребления словосочетания "наше будущее" в 1933-1950 гг. (по данным русскоязычного, немецкоязычного, англоязычного, франкоязычного и италияязычного корпусов Google Ngrams).

Ключевой особенностью коллективного образа будущего в условиях межгруппового конфликта является то, что он конструируется под влиянием психологических защитных механизмов, мобилизующих психологические ресурсы для выживания и победы, но сужающих диапазон рассматриваемых сценариев и ослабляющих способность сторон конфликта прогнозировать долгосрочные последствия своих и чужих действий. Это сказывается на всех компонентах образа будущего: усиливаются межгрупповые страхи, которые мобилизуют совместные усилия и сплочение, в публичном пространстве начинают обсуждаться идеалы и мечты, поддерживающие не только позитивную групповую идентичность, но и чувство группового превосходства или исключительности. Наконец, ожидания, надежды и цели, - то есть компоненты, поддерживающие планирование поведения в краткосрочной и среднесрочной перспективе, - конструируются в зависимости от хода конфликта, который в коллективном воображении на время вытесняет другие социальные проблемы и сценарии развития событий, не связанные с исходом противостояния.

На основании выдвинутых нами теоретических положений были сформулированы гипотезы, которые затем были проверены в ходе эмпирического исследования. Во-первых, мы предположили, что воспринимаемая межгрупповая угроза и этос конфликта (Bar-Tal et al., 2012;

Голынчик, 2020; Нестик, 2023) усиливают гражданскую идентичность, которая в свою очередь повышает позитивную оценку коллективного будущего. Во-вторых, мы сформулировали гипотезу о том, что воспринимаемая межгрупповая угроза и этос конфликта повышают значимость идеального будущего своей страны как великой державы. В-третьих, мы выдвинули предположение о том, что позитивный коллективный образ будущего компенсируют снижение субъективного контроля, вызванное воспринимаемой внешнегрупповой угрозой, то есть социальный оптимизм и позитивная оценка будущего своей страны усиливают уверенность граждан в своей способности контролировать свою жизнь. Согласно четвертой нашей гипотезе, воспринимаемая межгрупповая угроза усиливает такие массовые страхи, которые поддерживают ощущение осмысленности жизни граждан. Наконец, еще одно наше предположение состояло в том, что позитивный образ будущего поддерживает лояльность своей группе, облегчая тем самым мобилизацию коллективных усилий.

Для проверки гипотез были использованы данные онлайн-опроса, проведенного нами 1-14 июня 2024 г. на платформе Анкетолог по квотированной выборке, репрезентирующей взрослое население России по возрасту, федеральным округам и размеру населенного пункта, при этом выборка была выровнена нами по полу ($N=2644$; 50% - мужчины; 50% - женщины; после перевзвешивания: 46% - мужчины; 54% - женщины; от 18 до 90 лет; $M_{возр}=44,9$; $SD=16,8$).

Все выдвинутые нами гипотезы нашли свое подтверждение. Как показали результаты путевого анализа ($\chi^2=99,819$; $df=26$; $CMIN/DF=3,839$; $p<0,001$; $TLI=0,983$; $CFI=0,992$; $SRMR=0,019$; $RMSEA=0,033$; 90% CI [0,026; 0,040]; $P_{close}=1$), реалистическая и символическая угроза со стороны стран Запада, а также этос конфликта повышают выраженность гражданской идентичности, которая в свою очередь вносит наиболее весомый вклад в позитивную оценку будущего России.

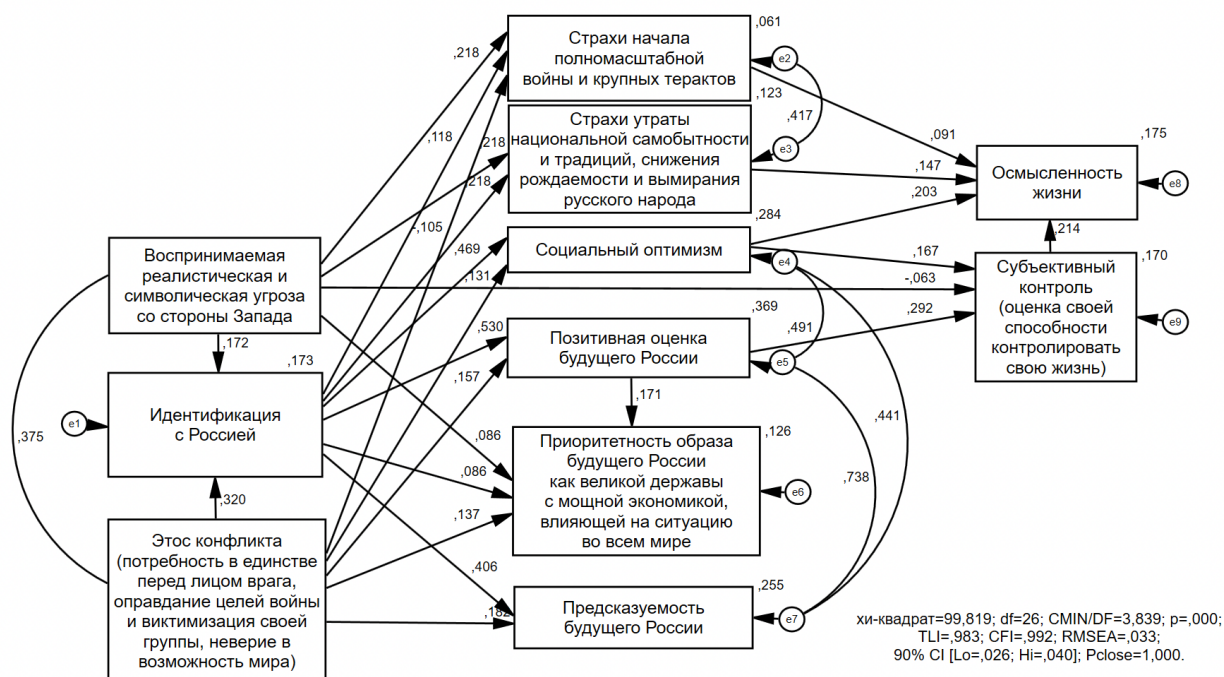

Рис. 3. Путевая модель предикторов образа будущего России в условиях военного конфликта (приведены стандартизированные регрессионные веса).

Воспринимаемая угроза для российского общества со стороны стран Запада и этос конфликта также повышают значимость образа будущего России как великой державы. Воспринимаемая внешнегрупповая угроза снижает субъективный контроль, тогда как позитивная оценка будущего России и социальный оптимизм повышают его. Наконец, воспринимаемая угроза со стороны стран Запада усиливает массовые страхи большой войны и утраты национальной самобытности, которые в свою очередь поддерживают осмысленность жизни, убеждение в том, что она имеет цель.

Вторая путевая модель подтвердила нашу гипотезу о связи позитивного образа коллективного будущего и лояльности группе как моральное основание (хи-квадрат=99,819; df=26; CMIN/DF=3,839; p<0,001; TLI=0,983; CFI=0,992; SRMR=0,012; RMSEA=0,033; 90% CI [0,026; 0,040]; Pclose=1). Основной вклад в лояльность к своей группе в условиях конфликта вносят гражданская идентичность, позитивная оценка будущего России и страхи утраты национальной самобытности.

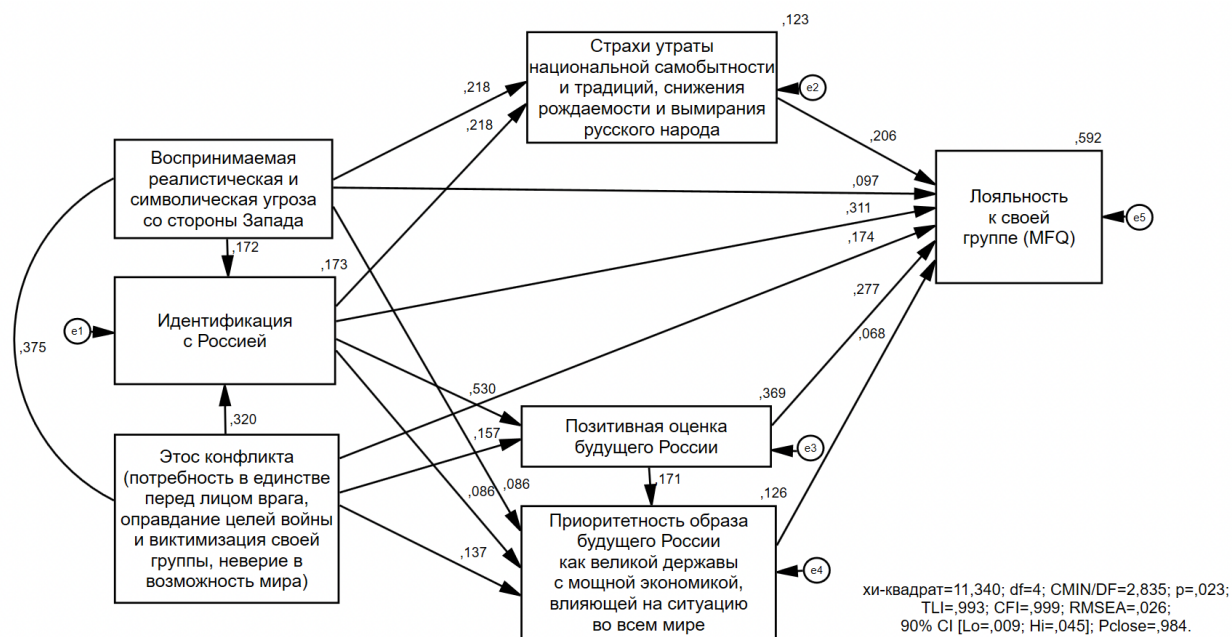

Рис. 4. Путьевая модель предикторов лояльности своей группе (приведены стандартизированные регрессионные веса).

Поскольку выраженность обнаруженных нами эффектов может зависеть от отношения личности к конкретному военному конфликту (Неврюев, Сариева, 2022), мы провели анализ влияния этоса конфликта на образ будущего и воспринимаемый контроль среди сторонников и противников СВО. К первым нами были условно отнесены участники исследования, которые бы отменили решение о начале СВО (N=751; 45% - мужчины, 55% - женщины; Mвозр=41,1; SD=14,7), а ко вторым - респонденты, которые не отменили бы такое решение (N=829; 66% - мужчины, 34% - женщины; Mвозр=49; SD=14,3). Участники исследования, выбравшие варианты ответа "затрудняюсь ответить" или "не хотел бы отвечать на этот вопрос", были исключены из анализа.

Структурное моделирование подтвердило наличие статистически значимой связи между этосом конфликта, гражданской идентичностью, позитивным образом будущего России и субъективным контролем в обеих группах ("противники" - респонденты, которые отменили бы решение о начале военной операции, если бы была такая возможность: хи-квадрат=1165,099; df=509; CMIN/DF=2,289; p<0,001; TLI=0,950; CFI=0,958; SRMR=0,049;

RMSEA=0,041; 90% CI [0,038; 0,045]; Pclose=1; "сторонники" - респонденты, которые не отменили бы решение о начале военной операции: хи-квадрат=1240,506; df=509; CMIN/DF=2,437; p<0,001; TLI=0,941; CFI=0,950; SRMR=0,046; RMSEA=0,042; 90% CI [0,039; 0,045]; Pclose=1).

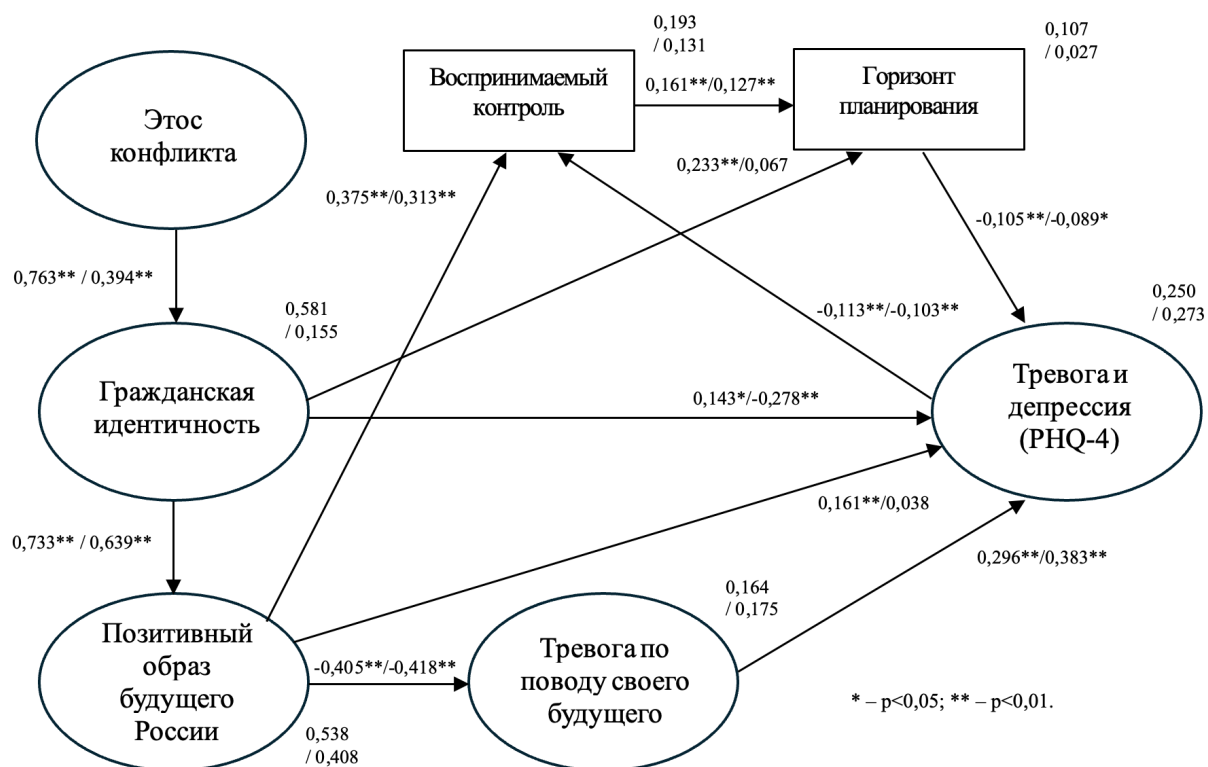

Рис. 5. Графическое отображение результатов структурного моделирования предикторов и эффектов позитивного образа будущего России (приведены стандартизированные регрессионные веса и доли объясненной дисперсии (R²); остатки и их ковариации не приводятся; первая цифра отражает показатели в группе противников СВО, а вторая - показатели в группе сторонников СВО).

Как видно из рис. 5, позитивная оценка будущего России снижает тревогу респондентов обеих групп по поводу собственного будущего и повышает их оценку своей способности контролировать собственную жизнь, увеличивая таким образом горизонт планирования.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что в условиях военного конфликта коллективный образ будущего находится под влиянием защитных механизмов, поддерживающих позитивную групповую идентичность и веру в свою способность контролировать собственную жизнь.

Чем сильнее воспринимаемая военная угроза и чем выраженнее это чувство конфликта, - представления о мире и обществе, формирующиеся в условиях продолжительного военного конфликта, - тем более позитивным представляется гражданам будущее своей страны и тем больше склонность выбирать идеальное будущее, где она является могущественной державой, определяющей ход мировых событий. Более того, в сочетании с социальным оптимизмом экзистенциальные страхи большой войны и утраты культурной идентичности мобилизуют психологические ресурсы личности, делая более осмысленной жизнь и повышая целеустремленность.